

Бай Шу, разумеется, и не подозревал, что его мысли для Хан Сиэня — открытая книга. Оставшись один у порога, юноша долго ломал голову, почему маркиз вдруг рассердился, но так ничего и не придумал. В конце концов он просто махнул рукой. Делать было нечего, и его деятельный ум быстро переключился на другую задачу: как проучить тех болтунов, что распускали грязные слухи.

Перебрав в голове десяток изощрённых способов мести, он невольно вспомнил чужие пересуды о том, способен ли Хан Сиэнь вообще выказать мужскую силу. За всё время в столице у молодого господина действительно не водилось ни постельных служанок, ни наложниц.

Впрочем, Бай Шу полагал, что такому человеку обычные люди попросту не пара — кто бы вообще мог привлечь его взор? Однако вообразить маркиза во власти плотского желания у него не получалось. Юноша до сих пор с содроганием помнил тот раз, когда в подростковом возрасте впервые проснулся в мокрых штанах. Сейчас-то утреннее возбуждение его больше не смущало, но сама мысль о подобном уязвимом состоянии казалась верхом неловкости.

Стоило примерить эту ситуацию на Хан Сиэня и представить, как на его обычно безупречном, точёном лице проступает растерянное смущение... как щёки самого Бай Шу мгновенно вспыхнули пунцовым жаром.

Он поспешно потёр лицо ладонями, пытаясь прогнать наваждение, но это не помогло — воображение, разыгравшись, подкинуло новые образы. Какой человек разделит с маркизом ложе? Будет ли Хан Сиэнь и в объятиях возлюбленного столь же безучастен и холоден? Или его сердце забьётся чаще, на бледных скулах проступит румянец, а с губ сорвётся тихий вздох? Станет ли он улыбаться?

Представив, как это прекрасное, подобное безупречному нефриту лицо теряет вечную отстранённость, как маркиз нежно обнимает кого-то чужого, тепло улыбаясь одними глазами... Бай Шу ощутил, как в груди неприятно и горько кольнуло.

Погружённый в свои мысли, он принялся рассеянно ковырять пальцем деревянный косяк. Увлёкшись, юноша не рассчитал силу — раздался сухой треск, и его указательный палец по самую фалангу ушёл в древесину.

Тем временем за дверью Хан Сиэнь, вынужденный выслушивать эти мысленные излияния, почувствовал, как у него начинает раскалываться голова. Когда же парень принялся во всех подробностях расписывать в уме его интимную жизнь, терпение маркиза окончательно лопнуло. С кем он будет спать и кого любить — какое до этого дело какому-то Бай Шу? С чего тот вообще вздумал опекать его целомудрие?

Хан Сиэнь резко поднялся, подошёл к дверям и распахнул их. Прежде чем он успел выказать всё, что думает, его взору предстал застрявший в косяке палец.

Несколько секунд маркиз молча созерцал эту картину, после чего сухо спросил:

— И чем это ты занят?

Бай Шу понуро вытащил палец. Кожа на суставе ободралась, выступила капелька крови. По сравнению с теми ранами, что он получал во время изнурительных тренировок, эта царапина была сущим пустяком, но сейчас она почему-то заняла нестерпимо сильно.

Юноша стоял, по-собачьи опустив голову — несчастный, потерянный, словно брошенный на улице щенок. Он и сам не понимал, что с ним происходит, но на душе было на редкость скверно. Обуреваемый непонятной обидой, Бай Шу лишь упрямо поджал губы и слегка сжал кулаки, не произнося ни слова.

Хан Сиэнь нахмурился, разглядывая его.

Вообще-то, при всей своей навязчивости, парень всегда тонко чувствовал чужие границы. В столице он мог трещать без умолку, но неизменно исчезал за секунду до того, как маркиз начинал всерьёз раздражаться. Именно благодаря этой чуткости Хан Сиэнь и терпел его присутствие. Он считал юношу искренним, простодушным с виду, но на удивление проницательным человеком.

И надо же — сейчас этот проницательный малый вздумал упрячиться и дуться. В груди Хан Сиэня шевельнулось глухое раздражение. Он сам, между прочим, великодушно проигнорировал те бесстыдные небылицы, что парень крутил в голове, а этот негодник ещё и смеет выказывать характер!

Сделав глубокий вдох, маркиз ровно, без прежней теплоты произнёс:

— Ступай к себе, отдохни.

Сначала он хотел велеть ему возвращаться в лагерь, но вовремя передумал: только вчера забрал парня к себе, и если отошлёт сегодня же, ушлые люди мигом почуют неладное. Эту мысль пришлось оставить.

Бай Шу услышал эти слова, и на сердце у него стало ещё тоскливее. Он едва заметно кивнул и тихо выдал:

— Хорошо.

Глядя вслед уходящему понурому юноше, Хан Сиэнь нахмурился ещё сильнее. Он не был слепцом или глупцом и прекрасно понимал: с парнем творится что-то неладное. Впрочем, копаться в причинах его странного поведения маркизу не хотелось. Одно стало ясно наверняка — от этого мальчишки нужно держаться как можно дальше.

Прояви Бай Шу эти замашки днём ранее, и никакие слёзные мольбы генерала Бай Вэньханя не заставили бы маркиза взять его к себе на службу. Это неожиданное открытие вызвало в душе глухое, липкое неприятие.

Бай Шу действительно ушёл, но вовсе не отдыхать. Стоило ему скрыться из виду, как он, используя свою нечеловеческую скорость, помчался напрямик в военный лагерь к старшему брату.

В палатку генерала он проскользнул незамеченным. Бай Вэньхань сейчас был по горло занят делами. Формально обязанности временно отстранённого Чжоу Жаня разделили между несколькими тысяцкими, однако львиная доля забот легла именно на плечи старшего брата. К счастью, тот имел огромный опыт командования и щёлкал эти бумажные хлопоты как орехи.

Заметив угрюмый вид младшего брата, генерал встревожился — уж не обидел ли его маркиз? — и, отложив кисть, прямо спросил, в чём дело.

Но Бай Шу лишь молча покачал головой. Зная упрямый характер юноши, генерал не стал настаивать и молча вернулся к бумагам.

Так парень и просидел в углу шатра с полудня до самых сумерек, напоминая надувшуюся грозовую тучу. Вечером он наспех перекусил вместе с братом и с наступлением темноты лёг спать. Но стоило генералу крепко уснуть, как Бай Шу бесшумно выскользнул из-под одеяла и растворился в ночи.

Вскоре лагерную тишину разорвали яростные крики и шум борьбы. Снаружи замелькали факелы. При первых же звуках переполоха генерал мгновенно сел в постели, наспех набросил на плечи халат и выбежал наружу. На плацу уже собирались командующий Лю Хучэн и другие офицеры.

Посреди лагеря у позорных столбов стояли несколько стражников. На головах у них топорщились холщовые мешки, а из одежды остались лишь нижние штаны. Когда перепуганные подбежавшие солдаты сорвали мешки, по плацу прокатился сдавленный гул: на щеках бедолаг красовались жирные, наспех нарисованные тушью черепахи. Кто-то в толпе не выдержал и, невзирая на испепеляющие взгляды пострадавших, громко прыснул.

Бай Вэньханю хватило одного взгляда, чтобы понять, чьих рук это дело. Провернуть подобное в охраняемом лагере Великой Чжоу и не попасться мог только его несносный младший брат. Генерал нахмурился: эти люди проливали кровь в боях, и подобные выходки были глупым, неуместным ребячеством.

Когда несчастных освободили, хмурый Лю Хучэн приказал объявить тревогу, усилить караулы и увёл пострадавших для допроса. Старший брат с каменным лицом вернулся в свой шатёр.

Как он и ожидал, постель Бай Шу давно остыла.

Бай Шу пробрался обратно в покои маркиза глубокой ночью. В окнах всё ещё брезжил слабый свет свечи. Привычно перемахнув через подоконник, юноша тихо прикрыл створку. Настроение у него было превосходное: знатно проучив тех болтунов, он выпустил пар, и от его недавней хандры не осталось и следа.

Однако стоило ему оглядеться, как радость мигом улетучилась. Хан Сиэнь лежал на постели с закрытыми глазами, его серебряная маска небрежно валялась на прикроватном столике. Но ширма, разделявшая комнату, бесследно исчезла, а вместе с ней пропала и мягкая кушетка, на которой раньше спал Бай Шу.

Стараясь не шуметь, юноша приблизился к кровати и замер, упрямо разглядывая тонкие, точёные черты лица спящего. Дыхание маркиза было ровным и глубоким — казалось, он крепко спал.

Постояв так какое-то время, Бай Шу склонил голову набок и прикинул размеры ложа. Кровать была широкой, мягкой и вполне могла вместить двоих. На этот раз тело сработало быстрее разума.

Он присел на край постели и принялся стягивать верхнее одеяние, когда «крепко спавший» Хан Сиэнь резко открыл глаза.

Маркиз сел, сбрасывая шёлковое одеяло, устало потёр переносицу и, едва сдерживая раздражение, спросил у сбрасывающего на пол сапоги гостя:

— Что ты здесь делаешь? Тебе подготовили покои в переднем дворе, с сегодняшнего дня твоё место там.

Бай Шу сладко зевнул, в его затуманенных сном глазах блеснули слезинки.

— Твоя охрана никуда не годится, — пробормотал он, забираясь под одеяло. — Переночую сегодня здесь, присмотрю за тобой, а завтра переселюсь.

С этими словами он проворно перекатился к самой стене и свернулся калачиком. Хан Сиэнь сверкнул глазами, готовый взорваться, но юноша опередил его, торопливо зашептав:

— В лагере переполох. Генерал Лю рвёт и мечет, думает, что пробрался шпион, и теперь ищет виновных. Если меня увидят разгуливающим посреди ночи, пойдут слухи... Позволь мне остаться лишь на одну ночь.

Парень крепко зажмурился, силясь дышать ровно и спокойно, но его напряжённая спина и сжатые кулаки выдавали крайнюю степень волнения.

Хан Сиэнь долго и пристально смотрел на него, после чего негромко спросил:

— И что же ты натворил в лагере?

Ответа не последовало. Юноша лишь затаил дыхание, притворяясь спящим.

Маркиз вздохнул и запустил пальцы в растрёпанные волосы.

— Если тебе дорог брат и ты не хочешь усложнять ему жизнь, прекрати безобразничать. Вэньхань больше не главнокомандующий этой армии, он не сможет защищать тебя вечно.

Спустя долгую паузу из темноты раздалось невнятное:

— Меня никто не видел.

На этот раз промолчал уже маркиз.

Ложе действительно было просторным. Прислушиваясь к тихому сопению лежащего у стены парня, Хан Сиэнь медленно выдохнул. Выгонять его посреди ночи он всё же не стал. В углу неровно колебалась пламя свечи, и лицо маркиза в этих колеблющихся отблесках казалось загадочным и суровым.

Через какое-то время погружившийся в глубокий сон Бай Шу повернулся на бок, придвинувшись почти вплотную. Хан Сиэнь скользнул взглядом по лицу юноши. За долгие годы одиночества он совершенно забыл, каково это — делить с кем-то постель. Чужое тёплое дыхание успокаивало и одновременно будило смутную тревогу.

Проснувшись поутру, Бай Шу обнаружил, что остался в комнате один. Его охватила досада на собственное безрассудство: какая муха укусила его вчера, раз он решился лечь в постель к маркизу? Боялся ведь, что глаз сомкнуть не сможет, а уснул без задних ног. Обычно чуткий сон мастера боевых искусств реагировал на любой шорох, но ухода Хан Сиэня он даже не заметил.

Досадливо покачав головой, юноша быстро оделся и ополоснул лицо ледяной водой, прогоняя остатки сна. В этот момент снаружи раздался тревожный набат. Удары колокола были частыми, резкими, от них по спине пробежал неприятный холодок. Почуввав неладное, Бай Шу поспешил на поиски хозяина дома.

Маркиз обнаружился в гостиной. С первыми ударами набата он поднялся и направился к выходу. Из соседних дверей показался пятый принц Цзи Хуай, лицо которого сделалось на удивление сосредоточенным.

— Разузнай, что стряслось, — приказал Хан Сиэнь подоспевшему слуге.

— Этот набат предупреждает горожан, — запыхавшись, произнёс вбежавший в залу Бай Шу. — К стенам подступили отряды Сижунa. Опять пришли грабить.

Хан Сиэнь недоуменно нахмурился:

— Грабить?

Бай Шу кивнул:

— Земли Сижунa бесплодны, хлеб там родится плохо. Зимой, когда приходят холода и еды не остаётся, кочевники совершают набеги на наши приграничные селения. А когда у нас созревает новый урожай, они заявляются снова.

— У Заставы Небесных Врат стоят лагерем сотни тысяч наших воинов, — процедил сквозь зубы маркиз. — И они просто смотрят на этот грабёж сквозь пальцы?

— Каким бы многочисленным ни было войско, военачальники не могут сделать ни шагу без приказа из столицы, — подал голос подошедший Цзи Хуай, криво усмехнувшись. — Защита порядка в округе — забота местных чиновников. Если армия самовольно выступит за стены и развяжет полномасштабную войну, кто ответит перед троном за самоуправство?

Хан Сиэнь лишь презрительно фыркнул:

— Какая нелепость.

<http://bllate.org/book/20088/2002078>